

Не будет преувеличением сказать, что Дмитрий Хворостовский — первый баритон современности. Необыкновенной красоты тембр голоса, совершенное владение всеми секретами вокального мастерства, поистине огромный репертуар, выдающийся актерский талант сделали Дмитрия Хворостовского желанным гостем на самых престижных оперных подмостках мира. Он красив, обаятелен, элегантен и невероятно интеллигентен, он — джентльмен, несущий в себе невероятную силу духа и физическую мощь. У Хворостовского нет отбоя от поклонниц, и ему одному под силу собрать Красную площадь на сольный концерт. Помимо всего Дмитрий Хворостовский — потрясающий камерный певец, невероятно бережно и чутко относящийся к каждому слову, к каждой исполняемой ноте. И он принадлежит к числу избранных: он редкий музыкант, в исполнении которого мы готовы слушать всё — от старинных арий до песен времён Великой Отечественной войны, потому как знаем: это не просто красивый голос, это — душа. Народный артист России, лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат международных конкурсов. Родился в 1962 году. Отец — Хворостовский Александр Степанович. Мать — Хворостовская Людмила Петровна. Супруга — Флоранс. Есть дети.

Дмитрий Хворостовский: «НА СЦЕНЕ Я — ОГОЛЁННЫЙ НЕРВ»

— Дмитрий Александрович, вы родились в Красноярске, ваши предки — коренные сибиряки?

— Коренных сибиряков среди моих родственников довольно мало, разве что со стороны одной измоихпрабабушек, потомственной казачки. Отец другой бабушки был из немцев Поволжья, в приснопамятные годы его сослали в Сибирь. Есть в нашем роду со стороны мамы и татары, и поляки. А с отцовской стороны — украинцы и поляки, фамилия наша — украинская.

— Вы пожаловались как-то, что для вас каторга — запоминать стихи. При вашем-то необъятном репертуаре! Не наговариваете ли вы на себя?

— Одни стихи отличаются от других своей доступностью, значимостью, художественной ценностью. Я сделал несколько песенных программ. Стихи довольно многих качества, поэтому совершенно не лезут в голову. Вообще куплетная форма стихотворений меня не очень-то вдохновляет.

— Вы даете немало благотворительных концертов, в том числе минувшей весной в Карнеги-холл вместе с Анной Нетребко. Интересно, куда конкретно идут собранные средства?

— В 90-е годы, вернее, до конца 90-х годов, почти все концерты, которые я давал в России, были благотворительными. Но проследить, куда пошли собранные деньги, я не люблю, потому что... Ну просто не хочу расстраиваться. От концерта в Карнеги-холл с Анной Нетребко деньги, вероятнее всего, попали по назначению, потому что организовала концерт очень приличная фирма.

— Для вас существуют профессиональные музыкальные барьеры, которые вы, на ваш взгляд, пока что не преодолели?

— Конечно, есть масса непреодоленных вещей — это во-первых. Во-вторых, каждый выход на сцену — это бой с открытым забралом. Никакие твои регалии, заслуги, за-

писи, недавний успех ни в коем случае не должны влиять на твоё состояние на сцене в данный момент. Ты туда выходишь как оголенный нерв, а пред-

ставить себе нерв, увешанный орденами, медалями, грамотами, довольно трудно, согласны? (Смеется.)

— Да уж... Как вы преодолеваете проблемы интерпретации, например, в дуэте? Пересматриваете свою трактовку или стараетесь убедить партнера в своей правоте?

— Это происходит автоматически — как в любом человеческом диалоге. Если со стороны партнера идет иное восприятие, то твоя интерпретация меняется в том же ключе. Случается, что новый партнер тебя приятно огоршает, ты начинаешь искать новое, от чего тебе делается настоящеему, по-музыкантски и по-актерски, интересно.

— Вы с женой Флоранс уже дебютировали как дуэт. Продолжится ли ваше совместное творчество?

— Год назад у нас родилась дочь Ниночка, и жена, конечно, сейчас очень занята. Но о дуэте мы не забываем. Флора уже давно начала заниматься с известным нью-йоркским педагогом, я уверен, что скоро она достигнет вполне профессиональной кондиции и мы сможем с ней вместе выступить.

— Какая партия для вас самая трудная с эмоциональной и

технической точки зрения?

— Пожалуй, назову все-таки оперу «Риголетто». Не только для меня, но и для многих баритонов эта опера наиболее трудная, наиболее энергоёмкая. Петь необходимо с какой-то долей холодного расчета, потому что пение с полной отдачей может тебя просто измотать — и морально, и физически. Не исключены повреждения голосовых связок. Я спел три или четыре постановки этой оперы и не могу сказать, что делаю это легко: всегда нужно быть настороже, не отпускать свои эмоции — это, повторю, может закончиться плачевно. Я, если угодно, даже побаиваюсь этой оперы.

— Галина Павловна Вишнев-

ская открыла в Москве оперную студию. Не хотите ли последовать ее примеру?

— Не имею на такой поступок ни времени, ни права. Пока что все мое время принадлежит моей певческой деятельности. Даже на мастер-класс у меня его нет. А чтобы заниматься такой подвижнической деятельностью, как Галина Павловна, мне нужно просто уйти на пенсию, то есть подождать лет двадцать (смеется). То, что делает Галина Павловна Вишневская, — великое подвижническое дело. Деятельность школы довольно успешна. Я пел в ней сразу после ее открытия... Школа продолжает бурлить, функционировать. Надеюсь, так будет всегда.

— Но в принципе вы не исключаете, что когда-нибудь займетесь подобной деятельностью?

— Певческий век недостаточно долгов и достаточно непредсказуем. Всякое может случиться — со здоровьем, с голосом и так далее. И придется пересматривать свои позиции, заниматься деятельностью такого рода, о которой ты раньше и не помышлял. Я даже немного суеверно побаиваюсь этого...

— Вы встречались с Лучано Паваротти. Говорят, он был замечательным человеком, а не только великим певцом?

— Об этом я могу говорить только понаслышке, поскольку мы не были друзьями, часто не встречались. Я остаюсь почитателем его огромного, непревзойденного таланта. С самого детства был заморожен красотой и удивительной чистотой, искренностью его голоса.

Я поистине скорблю об его уходе. Знаю многих людей, которые были освещены светом его личности. Он дарил им свое тепло, любовь. Они — мои друзья, поэтому я могу сказать, что мы с Лучано тоже отчасти были друзьями. Он знал обо мне, мы с ним вместе пели, он следил за моим искусством, за моей карьерой. Подобного феноменального голоса, искреннего, чистого артистизма, пожалуй, не было в XX веке, нет и в сегодняшнем...

— Слушая ваш взволнованный монолог памяти великого артиста, подумал: а почему бы вам не начать писать вот такие портреты, возможно, даже книгу воспоминаний?

— Об этом мне, честно говоря, даже не думается. Я не нахожу в себе того, о чем мог бы рассказать людя м.

Хотя встречи с выдающимися людьми и были, и продолжаются. Но я никогда не писал — ни в детстве, ни в другие периоды моей жизни, никогда ни о чем не рассказывал, за исключением тех случаев, когда меня очень об этом просили. Поэтому пока что мой рот закрыт на замок.

— Дмитрий Александрович, а что значит для вас семья, дружба, проявления благожелательности, сердечности?

— Дружба, искренность, чистота отношений для меня — все. Любого вида предательство повергает меня в абсолютный шок. Еще — неискренность, которую в нашем деле встречаешь сплошь и рядом. Чистые, искренние люди для меня гораздо желаннее остальных. А наши с женой отношения — самое сокровенное, чем я дорожил и продолжаю дорожить.